

ность въ языкѣ, происходящую отъ спѣшной работы? Дѣ, они это именно воображаютъ, а потому-то и печатаютъ свои «Листки». Но, увы! какая скорбь должна объять ихъ грамматическій умъ послѣ поразительнаго примѣра, представленнаго нами въ ошибкахъ «Москвитянина»! «Москвитянинъ» всегда защищалъ ту же чистоту и правильность языка, которую защищаютъ и они; «Москвитянинъ» на своихъ листахъ печатаетъ погрѣшности всѣхъ другихъ журналовъ — какъ бы, казалось, не выучиться грамматикѣ? а между-тѣмъ тотъ же «Москвитянинъ» въ одной книжкѣ представилъ столько ошибокъ, сколько будетъ подъ-силу надѣлать и иному петербургскому журналу! Значить и *прикладная* грамматика г. Покровскаго не ведетъ ни къ-чему! Тамъ, гдѣ трудъ спѣшный, тамъ, гдѣ въ мѣсяцъ редакция выдаетъ тридцать листовъ, а не два-три, какъ бывало въ-старину, тамъ видно никакими средствами не дойдешь до той чистоты и проч., которую находятъ у старыхъ нашихъ писателей.

Горько сознаться, а *малая лепта въ сокровищницу матеріаловъ для теоріи языка*, какъ называетъ г. Покровскій свой «Памятный Листокъ», выходитъ лептою *самомалѣйшею* въ сокровищницу «Москвитянина». Спрашиваемъ одно: что должно сдѣлаться съ «сердцемъ г. Покровскаго, которое обливалось кровью, при мысли о томъ, какъ искажены наша словесность и нашъ языкъ», что должно сдѣлаться съ этимъ сердцемъ, когда г. Покровскій представить подробный грамматическій разборъ хоть одного 10 № «Москвитянина» на 1853 годъ, о чемъ мы его покорнѣе и просимъ...

Но довольно о грамматикѣ и корректорскихъ трудахъ ревнителей языка и словесности. Перейдемъ къ предмету болѣе-интересному — къ *біографическому извѣстію объ А. С. Пушкинѣ до 26-го (то-есть 1826) года, написанному братомъ его, Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ*, напечатанному въ томъ же 10 № «Москвитянина» за нынѣшній годъ.

Литературныя біографіи, въ пользу которыхъ едва-ли кто сомнѣвается, имѣютъ особенную важность, во первыхъ, какъ матеріалъ, какъ подготовительный трудъ для исторіи русской литературы, и, вовторыхъ, какъ ключъ къ тѣмъ произведеніямъ автора, которыя объясняются обстоятельствами его жизни. Первое значеніе принадлежитъ всѣмъ вообще литературнымъ біографіямъ; второе же, несоставляя необходимой ихъ принадлежности, обусловливается направлениемъ дѣятельности, степенью самостоятельности автора и болѣею или меньшею субъективностью его произведеній. Біографія Пушкина имѣетъ весьма-важное значеніе и въ томъ, и въ другомъ отношеніи.

Не касаясь ея важности, какъ матеріала для будущей исторіи русской литературы, важности, безъ-сомнѣнія, создаваемой каждымъ изъ образованныхъ читателей, считаемъ не лишнимъ ска-

зять, что она въ такой же степени важна относительно изученія его произведеній. Пушкинъ былъ преимущественно поэтъ жизни и дѣйствительности: идеализація и мечтательность почти не коснулись его произведеній; въ нихъ почти все — дѣйствительно-пережитое, дѣйствительно-переживаемое; и потому произведенія великаго поэта не только находятся въ непосредственной связи съ явленіями окружавшей его жизни, но даже большою-частью обязаны имъ своимъ существованіемъ. Поэтому каждый фактъ изъ жизни Пушкина имѣетъ важность еще въ томъ отношеніи, что можетъ служить къ поясненію того или другаго изъ его произведеній, и наоборотъ: каждое его произведеніе напоминаетъ какое-нибудь обстоятельство его жизни.

Не имѣя до-сихъ-поръ ни одной сколько-нибудь удовлетворительной біографіи Пушкина, и дорожа каждою замѣткою о жизни великаго поэта, мы были чрезвычайно обрадованы, встрѣтивъ упомянутую выше статью, написанную братомъ Пушкина, Львомъ Сергѣевичемъ. Ужь одно имя біографа ручалось за достовѣрность этого извѣстія. И въ-самомъ-дѣлѣ, что, кажется, можетъ быть достовѣрнѣе и обстоятельнѣе біографіи, написанной братомъ? Въ насгоящемъ же случаѣ это самый сильный авторитетъ. Л. С. Пушкинъ, скончавшійся въ прошломъ году въ Парижѣ (а не въ Одессѣ, какъ сказано было въ «Современникѣ»); былъ извѣстенъ какъ человекъ, знавшій малѣйшія подробности жизни своего знаменитаго брата и помнившій наизусть множество его стихотвореній, которыя не только никогда не были изданы, но едва-ли существовали, хотя въ одномъ рукописномъ экземплярѣ, и теперь, если не были никѣмъ записаны, пропали невозвратно. Вообще Левъ Сергѣевичъ представлялъ собою живую и самую полную біографію поэта, самое полное собраніе его сочиненій со всевозможными комментаріями. На этомъ основаніи мы имѣли всѣ причины надѣяться, что написанный имъ біографическій очеркъ будетъ отличаться отъ всѣхъ другихъ біографій Пушкина, вѣрностью, полнотою и новостью фактовъ.

Къ-сожалѣнію, мы скоро разочаровались. «Биографическое извѣстіе», умѣстившееся на девяти страничкахъ крупной печати, далеко не удовлетворило нашимъ ожиданіямъ. Кромѣ нѣсколькихъ фактовъ ограничивающихся, впрочемъ, анекдотами, которые не имѣютъ особенной важности и достовѣрности которыхъ весьма-сомнительна; кромѣ еще нѣсколькихъ строкъ изъ неизданнаго письма Пушкина (стр. 53 — 54) и восьми пропущенныхъ стиховъ изъ эпилога къ поэмѣ *Цыгане* (стр. 54 — 55), (за сохраненіе которыхъ нельзя не поблагодарить біографа), читатели не найдутъ въ немъ ничего новаго. Все остальное — или извѣстно, или неполно, или невѣрно.

Въ настоящее время когда, какъ слышно, готовится къ изданію полное собраніе сочиненій Пушкина съ подробною біографіею поэта, всякая біографическая замѣтка о немъ можетъ

принести особенную пользу, и потому позволяемъ себѣ исправить нѣсколько невѣрностей въ біографическомъ очеркѣ. Не желая, однакожь, послѣдовательнымъ изложеніемъ подробностей о жизни поэта предупреждать автора давно-ожидаемой біографіи, мы не намѣрены въ настоящее время ни пополнять «Біографическаго извѣстія», ни указывать его пропусковъ, что завлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Современемъ, по напечатаніи новаго изданія сочиненій Пушкина, мы еще будемъ имѣть случай подробно говорить о его сочиненіяхъ; въ настоящее же время ограничимся только исправленіемъ замѣченныхъ нами въ «Біографическомъ извѣстіи» невѣрностей и ошибокъ.

Ошибки эти начинаются съ первыхъ же строкъ очерка :

«А. С. Пушкинъ—говоритъ братъ поэта—родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года. До 11-тилѣтняго возраста онъ воспитывался въ родительскомъ домѣ. Страсть къ поэзійи проявлялась въ немъ съ первыми понятіями. На 8-мъ году возраста умѣлъ уже онъ читать и писать на французскомъ языкѣ и сочинялъ маленькія комедіи и эпиграммы на своихъ учителей» (стр. 50).

Пушкинъ воспитывался дома не до 11-тилѣтняго возраста, а до 12 лѣтъ : 26 мая 1811 года ему исполнилось 12 лѣтъ. Въ томъ же году, лѣтомъ, былъ онъ привезенъ въ Петербургъ и 19-го октября поступилъ въ Царскосельскій Лицей, ужъ на 13-мъ году своего возраста.

Сочиненіе маленькихъ комедій и эпиграммъ на французскомъ языкѣ на 8-мъ году возраста — фактъ весьма-сомнительный и ничѣмъ неподтверждаемый. Извѣстно, что Пушкинъ, до поступленія въ Лицей, писалъ недурно французскіе стихи, что, будучи около десяти лѣтъ отъ-роду, сочинялъ поэму *La Toliade*, о которой ужъ было упомянуто въ статьѣ П. Б.: *Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ* («Московскія Вѣдомости» 1853 г. № 18, стр. 190), принадлежащей, какъ говорятъ, одному изъ молодыхъ любителей русской литературы, занимающемуся специальнымъ изученіемъ Пушкина, и въ *Библиографическихъ замѣткахъ о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига* («Отечественныя Записки» 1853 г. № 6, іюнь, Смѣсь, стр. 153); но едва-ли кто повѣритъ безъ убѣдительныхъ доказательствъ, чтобъ на 8-мъ году возраста можно было сочинять какія бы то ни было комедіи.

«Въ 1811 году открылся Царскосельскій Лицей, и отецъ Пушкина поручилъ своему брату Василю Львовичу отвезти его въ Петербургъ для помѣщенія въ сіе заведеніе, куда онъ и поступилъ въ число 35 учениковъ» (стр. 50).

Въ Лицей поступило не 35 учениковъ, а только 30; подвергалось же вступительному экзамену 38.

«Поэзіи предался онъ безгранично, и имѣя 14 лѣтъ отъ роду написалъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», «Наполеонъ на Эльбѣ», и раз-

ныя *другія* стихотворенія. помѣщенные въ тогдашнихъ періодическихъ и *другихъ* изданіяхъ и обратившія на него вниманіе» (стр. 50—51).

Стихотворенія *Воспоминанія въ Царскомъ Сель* и *Наполеонъ на Эльбѣ* написаны, какъ уже было замѣчено въ нашемъ журналѣ (*Библиографическія Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига*, стр. 149), въ 1815 году, когда Пушкину было не четырнадцать лѣтъ, а шестнадцать. Если же допустить, что эти стихотворенія были написаны Пушкинымъ, когда ему было 14 лѣтъ, то-есть въ 1813 году, то какъ согласить съ этимъ временемъ содержаніе стихотвореній? Какъ, напримѣръ, отнести къ 1813 году *Воспоминанія въ Царскомъ Сель*, въ которыхъ говорится о событіяхъ 1814 года? Пусть судятъ сами читатели можно ли было написать въ 1813 году слѣдующую строфу :

«Въ Парижѣ Россѣ! — Гдѣ факелъ мщенья!

Поникни, Галлія, главою!

Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья

Грядетъ съ оливою златой;

Е не военный громъ грохочетъ въ отдаленіи,

Москва въ уныніи, какъ степь въ полночной мглѣ —

А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье

И благотворный миръ землѣ» (*).

Стихотвореніе «Наполеонъ на Эльбѣ», имѣющее содержаніемъ замыселъ Наполеона бѣжать съ острова Эльбы и приведеніе его въ исполненіе, не могло быть написано въ 1813 году по той же причинѣ, а именно, что въ 1813 году нельзя было писать о томъ, что случилось въ 1815-мъ. Притомъ же, подъ заглавіемъ этого стихотворенія выставлено: *1815*, а тогда Пушкину было не четырнадцать, а шестнадцать лѣтъ.

Разныхъ *другихъ* стихотвореній написанныхъ будто бы четырнадцатилѣтнемъ Пушкинымъ, и помѣщенныхъ, по увѣренію Льва Сергѣевича, въ тогдашнихъ періодическихъ и *другихъ* (?) изданіяхъ также не могло быть. Первое напечатанное стихотвореніе Пушкина (*Къ Другу-стихотворцу*) было написано въ 1814 году, и явилось въ свѣтъ въ іюлѣ того же года, когда Пушкину былъ уже шестнадцатый годъ, съ котораго и начинается его печатное поприще. Стихотвореніе это, сколько извѣстно, первое изъ написанныхъ Пушкинымъ, послѣ неизданнаго еще посланія *Къ сестрѣ*, едва-ли и могло быть написано ранѣе 1813 или 1814 года, потому-что въ немъ говорится о побѣдахъ Витгенштейна надъ

(*) *Воспоминанія въ Царскомъ Сель* («Сочиненія А. Пушкина», т. ІХ, лицейскія стихотворенія, стр. 437). Подъ этимъ стихотвореніемъ въ первый разъ явилась попись *Александръ Пушкинъ*, какъ было уже сказано въ нашемъ журналѣ (*Библиографическія Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига*, стр. 149).

Французами, одержанныхъ, какъ извѣстно, во второй половинѣ 1812-го и въ 1813-мъ годахъ :

« Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштейну Французовъ побѣждать » (*).

Стихотворенія же написанныя до 1814 года, то-есть до пятнадцатилѣтняго возраста поэта, не были напечатаны (**). Въ примѣчаніи къ небольшому отрывку, напечатанному въ собраніи

(*) Стихотвореніе это напечатано въ « Вѣстникѣ Европы » 1814 года (ч. LXXVI, іюль, № 13, стр. 9) съ искаженіемъ семнадцатаго стиха. Вмѣсто:

« Потомковъ позднихъ поэтилъ справедлива дань », какъ напечатано, слѣдуетъ читать:

« Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива ».

(**) Многіе несправедливо считаютъ первымъ стихотвореніемъ Пушкина эпитафію *На смерть князя М. А. Голицынова-Кутузова-Смоленскаго*, напечатанную въ « Вѣстникѣ Европы » 1813 года (часть LXIX, №№ 9 и 10, май, стр. 188) съ подписью *А. Пушкинъ*. Подпись эта ввела въ ошибку и А. Д. Галахова, который говоритъ объ этой эпитафіи, какъ о первомъ напечатанномъ стихотвореніи Пушкина (« Полная Русская Хрестоманія », изданіе пятое, ч. III, примѣчанія, стр. 122). Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ « Отечественныхъ Запискахъ » (*Библиографическія Замѣтки*, стр. 148) доказано ужь, что это стихотвореніе принадлежитъ однофамильцу и даже не родственнику знаменитаго поэта. Прибавимъ къ сказанному, что авторъ этой эпитафіи не Андрей, какъ мы полагали, а Алексій Михайловичъ Пушкинъ. Указаніемъ этимъ мы обязаны извѣстному библиографу С. Д. Полторацкому. Андрей Ивановичъ Пушкинъ помѣщалъ въ журналахъ статьи по части военныхъ наукъ, и издалъ: « Краткія извѣстія объ образованіи въ Европѣ войскъ и объ успѣхахъ огнестрѣльнаго искусства », 1824 г., « Взглядъ на успѣхи словесности и изящныхъ искусствъ на Западѣ » и « Записки о военномъ укрѣпленіи для употребленія полевыхъ офицеровъ » 1827 г. Алексій Михайловичъ Пушкинъ, скончавшійся въ Москвѣ въ концѣ мая 1825 года, написалъ нѣсколько стихотвореній и издалъ « Женеваль, или французскій Барнавельтъ », въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго, 1783 года (эта пьеса Мерсье была ужь переведена *И. В.*, и напечатана въ Москвѣ въ 1778 году, подъ заглавіемъ: « Женеваль, или Французской Барневиль ») и переведенныя имъ комедіи Мольера: « Ханжеевъ, или лицемѣръ », въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, напечатанная въ Москвѣ въ 1809 году безъ имени переводчика и « Игрокъ », въ пяти дѣйствіяхъ, напечатанная въ С.-Петербургѣ въ 1815 году, также безъ имени переводчика. Сверхъ-того, нѣсколько произведеній А. М. Пушкина остались неизданными. Краткое некрологическое извѣстіе о немъ напечатано въ « Сѣверной Пчелѣ » 1825 года, 11 іюня, въ четвертокъ, № 70. Мы слышали, что одинъ изъ любителей литературы готовится къ изданію подробную біографію А. М. Пушкина.

сочинений Пушкина под заглавіемъ *Путешественнику* (Т. IX, стр. 389) сказано, что «авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ», но это опять ничего не доказываетъ, потому-что посланіе къ *Н. Г. Л-ову*, къ которому принадлежитъ этотъ отрывокъ, было написано и напечатано въ 1815-мъ году, когда Пушкину было шестнадцать лѣтъ, какъ уже сказано въ книжкѣ нашего журнала за прошлый мѣсяць (*Библиографическія Замѣтки*, стр. 149).

Лицейскія стихотворенія Пушкина дѣйствительно печатались въ періодическихъ изданіяхъ того времени; въ *другихъ же тогдашнихъ* изданіяхъ ихъ нѣтъ, несмотря на увѣреніе Льва Сергѣевича. Изъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина только шесть были напечатаны въ изданіи неперіодическомъ, и то въ позднѣйшее время, именно въ 1827 году, въ «Памятникѣ Отечественныхъ Музъ», изданномъ г. Борисомъ Федоровымъ.

Вообще въ отношеніи къ лицейскому періоду литературной дѣятельности Пушкина, всѣ его біографы одинаково-необстоятельны. Авторъ біографіи Пушкина, напечатанной въ «Современникѣ» 1838 года (Т. X, стр. 21) говоритъ (стр. 23), что «въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, (?) безъ подписи сочинителя имѣли, (?) печатаемы были всѣ (?) сочиненія Пушкина, имъ писанныя на 12, 13 и 14 году отъ рожденія» (тогда-какъ изъ сочиненій Пушкина, написанныхъ въ эти годы, ни одно не было напечатано), сожалѣетъ, что поэтъ «нигдѣ не упомянулъ о нихъ, не впесъ, какъ образчикъ лепетанія дѣтской музы, въ собраніе своихъ стихотвореній» (между-тѣмъ, какъ нѣкоторые изъ лицейскихъ стихотвореній внесены въ изданіе сочиненій Пушкина еще при жизни поэта), и думаетъ, что «они едва ли не погибли для потомства». То же самое было повторено съ незначительными измѣненіями въ біографіяхъ Пушкина, напечатанныхъ въ «Портретной и біографической галереѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ въ Россіи» (выпускъ первый, стр. 1), въ «Полной Русской Хрестоматіи» А. Д. Галахова (изданіе пятое, часть III, примѣчанія, стр. 122), съ оговоркою, однакожъ, что эти стихотворенія печатались въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 года и въ «Сынѣ Отечества», но безъ указанія стихотвореній; въ переведенной на французскій языкъ изъ «Современника», и приложенной къ изданію: «Oeuvres choisies de A. S. Pouchkine, poète national de la Russie, traduites pour la première fois en français par H. Dupont» (Т. I, стр. 3 и 4), и наконецъ въ «Москвитянинѣ» (*). Авторъ біографіи, напечатанной въ «Портретной и біографической галереѣ», прибавляетъ даже (стр. 2), что эти стихотворенія «едва-ли не исчезли совершенно, даже для насъ, его современниковъ».

(*) Статя Н. А. Полеваго *Пушкинъ* (въ «Очеркахъ Русской Литературы», ч. I, стр. 211), не заключаетъ ни біографическихъ, ни біблиографическихъ фактовъ.

Всѣ эти стихотворенія, считавшіяся исчезнувшими не только для потомства, но даже для современниковъ, были названы въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 6, 1853 «Библиографическія Замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига», стр. 146—156) съ указаніемъ времени, къ которому относятся изданія, въ которомъ они явились и псевдонимовъ поэта. Въ этихъ замѣткахъ читатель найдетъ объясненіе недомолвки Льва Сергѣевича, который не назвалъ ни *разныхъ другихъ* стихотвореній своего брата, ни періодическихъ изданій, въ которыхъ они печатались. Объясненіе этого недоразумѣнія было бы только повтореніемъ уже сказаннаго, и потому переходимъ къ другимъ замѣчаніямъ.

«Аттестатъ, выданный ему (Пушкину) изъ Лицея, *свидѣтельствовала*, между прочимъ, *объ отличныхъ его успѣхахъ въ фехтованіи и танцованіи* и *объ посредственныхъ въ русскомъ языкѣ»* (стр. 51).

Лицейскаго аттестата Пушкина намъ не удалось найти, и потому все можемъ повѣрить этихъ свѣдѣній. Не имѣя, однакожъ, причинъ сомнѣваться въ дѣйствительности существованія такой аттестации успѣховъ Пушкина въ русской словесности, полагаемъ, что остальное придумано авторомъ только для бѣльшаго контраста, потому-что въ лицейскихъ аттестатахъ, по-крайней-мѣрѣ, въ позднѣйшее время, не упоминалось объ успѣхахъ въ фехтованіи и танцованіи.

«По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ вполне воспользовался своею молодостию и независимостию. Его поочереды влекли къ себѣ то большой свѣтъ, то шумные пиры, то закулисныя тайны. Онъ жадно, бѣшено предавался всѣмъ наслажденіямъ. Кругъ его знакомства и связей былъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. *Поэзію Пушкинъ занимался мимоходомъ, въ минуты вдохновенія. Онъ въ это время написалъ рядъ мелкихъ стихотвореній, заключенный поэмою Русланъ и Людмила»* (стр. 51).

Пушкинъ въ-теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по выпускѣ изъ Лицея дѣйствительно былъ слишкомъ увлеченъ удовольствіями большаго свѣта, и хотя въ это время занимался литературою гораздо-менѣе чѣмъ впоследствии, но и не мимоходомъ, посвящая литературнымъ занятіямъ, почти ежедневно, часть утра, остававшуюся свободною отъ свѣтскихъ развлеченій, въ чемъ согласны всѣ біографы Пушкина, и что еще болѣе подтверждается тѣмъ, что Пушкинъ въ это время оканчивалъ «Руслана и Людмилу», и занимался послѣднею отдѣлкою своей поэмы, сочиняя въ промежуткахъ этой работы и мелкія стихотворенія (*). Все это нельзя

(*) О томъ, что Пушкинъ занимался въ это время сочиненіемъ и окончательною отдѣлкою «Руслана и Людмилы», говорится и въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 годы, изданномъ В. Эртелемъ и А. Глѣбовымъ, въ статьѣ: *Выписка изъ бумагъ дяди Александра* (стр. Т. LXXXIX. — Отд. V. 1/4 6

было слѣлать мимоходомъ даже съ талантомъ Пушкина. Впрочемъ, самъ біографъ въ слѣдующей же строкѣ противорѣчить себѣ, говоря, что Пушкинъ «въ это время написалъ рядъ мелкихъ стихотвореній, заключенный поэмою «Русланъ и Людмила». Въ этихъ словахъ опять небольшая невѣрность: поэма не заключала собою ряда мелкихъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ по выпускѣ его изъ Лицея, но писалась въ одно время съ ними, и была начата еще въ Лицеѣ, гдѣ и написана значительная ея часть. Кромѣ достовѣрнаго устнаго свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ, въ памяти которыхъ это совершалось, мы находимъ и современное печатное доказательство тому, что поэма существовала уже въ Лицеѣ, и была извѣстна товарищамъ Пушкина. Въ посланіи одного изъ нихъ къ Пушкину и Дельвигу, написанномъ черезъ годъ по выпускѣ изъ Лицея, слѣдовательно за два года до выхода въ свѣтъ *Руслана и Людмилы*, Пушкинъ уже названъ *пѣвцомъ Руслана*. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого посланія:

«Ни радость, ни страданье,
 Ни нѣга, ни корысть, ни почестей исканье,
 Ни что души моей отъ васъ не удалитъ.
 И въ пѣсняхъ сладостныхъ, и въ славу состязанье(?)
 Друзей-соперниковъ (?) тѣснѣй соединитъ! —
 Зачѣмъ же нѣтъ васъ здѣсь (*), избранники Харитъ! —
 Тебя, о Дельвигъ мой, поэтъ, мудрецъ лѣнливый,
 Безпечный и въ своей безпечности счастливый?
 Тебя, мой огненный, чувствительный *пѣвецъ*
 Любви и добраго *Руслана*,
 Тебя, на чьемъ челѣтѣ предвижу я вѣнецъ
 Арьюста и Парни, Петрарки и Баяна?»¹⁾

Стихотвореніе это было читано авторомъ въ одномъ изъ за-сѣданій Санктпетербургскаго Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ въ 1818 году (**), и было напечатано: въ «Благонамѣренномъ» 1818 года (часть III, стр. 133) и въ «Сынѣ Отечества» 1818 года (№ XXXIII, часть 48, стр. 129).

«Въ это время Пушкинъ не постигалъ стиховъ неримованныхъ, и по этому случаю смѣлся надъ нѣкоторыми сочиненіями Жуковского.» (Стр. 51).

Смѣяться надъ ними Пушкинъ могъ сколько угодно, но не по-

285, 297 и 298). Этотъ альманахъ былъ изданъ въ томъ же (1832) году и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Russischer Almanach für 1832 und 1833, von W. Oertel und A. Gliebrow». Названная нами статья напечатана въ немъ подъ заглавіемъ: «Aus den Papiereu meines Onkels Alexander», и указанные свѣдѣнія помѣщены въ ней на стр. 240, 441—444.

(*) Стихотвореніе это писано въ Царскомъ Селѣ.

(**) Отчетъ общества за 1818 годъ (неизданный).

стигать стиховъ нерифмованныхъ не могъ, потому-что еще въ Лицеѣ написалъ нѣсколько такихъ стихотвореній. Изъ написанныхъ имъ стихотвореній безъ рифмъ къ тому времени относятся: *Бова*, отрывокъ изъ поэмы («Сочиненія А. Пушкина, Т. IX, лицейскія стихотворенія, стр. 249), написанный русскимъ сказочнымъ размѣромъ съ двумя топическими удареніями, и напоминая манерою и приемами «Илью Муромца» Карамзина, и *Фіалъ Анакреона* («Сочиненія А. Пушкина, Т. IX, лицейскія стихотворенія, стр. 363). Не можемъ сказать опредѣлительно къ какому времени изъ четырехъ послѣднихъ лѣтъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ относятся эти два стихотворенія; знаемъ только, что первое изъ нихъ (*Бова*) не могло быть написано ранѣе 1815 года, потому-что въ немъ есть слѣдующія строки:

«Вы слышали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не свималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Мірѣ крещеныи потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводить въ униженіи
И, забытый всѣми, клочется
Нынѣ Эльбы Императоромъ ..
Кодъ таковъ-то былъ и царь Додоу!» (Стр. 250—251).

Какъ же въ то время, о которомъ говоритъ біографъ, то-есть до изданія *Руслана и Людмилы* (напечатанной въ 1820 году), Пушкинъ могъ не постигать стиховъ нерифмованныхъ, когда самъ писалъ такіе стихи, не говоря уже о множествѣ другихъ произведеній, написанныхъ бѣлыми стихами въ позднѣйшее время.

«Весною 1820 года Пушкинъ былъ назначенъ въ канцелярію генерала Инзова, Бессарабскаго намѣстника. Въ Екатеринославѣ онъ занемогъ сильною горячкою. Генералъ Раевскій проѣзжалъ на Кавказъ съ двумя сыновьями. Онъ нашелъ Пушкина въ бреду, безъ пособія и безъ присмотра. Оба сыновья Раевскаго были дужны съ Пушкинымъ; съ разрѣшенія Инзова, они его повезли на воды. Тамъ онъ скоро поправился.» (Стр. 53.)

Нелюбимъ считаемъ замѣтить, что объ этой болѣзни Пушкинъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій:

«Я ускользнулъ отъ эскулапа
Худой, обритый, но живой,» и проч.
(«Сочиненія А. Пушкина», т. III, стр. 136).

«Въ 1824 г. Пушкинъ былъ принужденъ оставить Одессу и поселился въ псковской губерніи, въ деревнѣ своей матери. Здѣсь онъ

написалъ Цыгановъ, нѣсколько главъ Онегина, множество мелкихъ стихотвореній и наконецъ Бориса Годунова.» (Стр. 57).

Другіе біографы Пушкина относятъ *Цыганъ* къ періоду страннической жизни поэта, именно къ 1824 году, не указывая, однакожь, гдѣ именно была написана эта поэма («Современникъ» 1838 г. Т. 10, стр. 38; переводъ этой біографіи на французскій языкъ, въ предисловіи къ изданію Дюпона, стр. 6. «Полная Русская Хрестоматія» А. Д. Галахова, изданіе пятое, часть третья; примѣчанія, стр. 120, и біографія Пушкина въ «Портретной и біографической галереѣ», стр. 5); братъ поэта говоритъ, что *Цыгане* написаны въ псковской деревнѣ; а г. В. Негрескулъ авторъ *Биографическихъ Замѣтокъ* о Пушкинѣ. Лермонтовѣ, Гоголѣ, и рядомъ съ ними о гг. Кукольникѣ и Тепляковѣ, замѣтокъ крайне-бѣдныхъ, ошибочныхъ и совершенно-ничтожныхъ, явившихся уже послѣ статьи Льва Сергѣевича («Московскія Вѣдомости» 1853 г. № 71, суббота, 13 іюня, стр. 729) утверждаетъ, что эта поэма написана въ Кшшеневѣ.

Всѣ эти мнѣнія, несмотря на-существующее между ними противорѣчіе, отчасти справедливы. Мысль и содержаніе *Цыганъ*, безъ сомнѣнія, родились въ Бессарабіи, гдѣ Пушкинъ бродилъ

«За ихъ лѣнливими толпами»;

когда же Пушкинъ переселился изъ Одессы въ псковскую деревню, въ 1824 году, поэма была ужь отчасти набросана. Въ одномъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ къ Дельвигу еще изъ Кишинева, отъ 23-го марта 1821 года, Пушкинъ говоритъ, что онъ кончитъ *Кавказскаго Пльнника* и что у него въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что онъ пока ничего не пишетъ, а только перевариваетъ воспоминанія. Послѣ этого письма Пушкинъ еще довольно-долго оставался въ Бессарабіи. Въ неизданномъ письмѣ къ одному изъ своихъ литературныхъ пріятелей, писанномъ ужь изъ деревни отъ 25-го января 1825 года, Пушкинъ говоритъ: «П. привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ *Цыгановъ*. Желаю, чтобъ они тебѣ понравились». Слѣдовательно, поэма была ужь готова скоро по пріѣздѣ Пушкина въ деревню, что, при множествѣ другихъ литературныхъ его занятій въ это время, заставляеть предполагать, что значительная часть поэмы ужь была написана. Въ письмѣ къ другому лицу, нѣсколько-позднѣйшемъ (безъ числа), также изъ Михайловскаго и также неизданномъ, Пушкинъ говоритъ: «Р. доставитъ тебѣ моихъ *Цыгановъ*. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова: я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока «не растаскаютъ ее по клочкамъ». Объ этой поэмѣ упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ неизданныхъ письмахъ Пушкина, при чемъ онъ жалуется на легкомысленное поведеніе своего брата, преждевременно распространявшаго его стихотворенія; но факты

эти не касаются настоящего вопроса, и потому пропускаемъ ихъ.

Доказательствомъ, что «Цыганы» были написаны отчасти и окончены въ Михайловскомъ, по возвращеніи Пушкина изъ южной Россіи, можетъ служить то, что въ эпилогѣ къ своей поээмѣ Пушкинъ вспоминаетъ о своей бессарабской жизни, и говоритъ о ней, какъ о прошедшемъ. Приводимъ начало эпилога съ прибавленіемъ восьми пропущенныхъ стиховъ, сообщенныхъ братомъ поэта :

« Волшебной силой пѣснопѣнья
 Въ туманной памяти моей
 Такъ оживляются видѣнья
 То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
 Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
 Ужасный гулъ не умолкалъ,
 Гдѣ повелительныя грани
 Стамбулу Русскій указалъ,
 Гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавый
 Еще шумитъ минувшей славой,
 Встрѣчалъ я посреди степей
 Надъ рубежами древнихъ становъ
 Телеги мирныя цыгановъ,
 Смиренной вольности дѣтей.
 За ихъ дѣливыми толпами
 Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
 Простую пищу ихъ дѣлилъ,
 И засыпалъ предъ ихъ огнями.
 Въ походахъ медленныхъ любилъ
 Ихъ пѣсней радостныя гулы,
 И долго милой Маріулы
 Я имя вѣжное твердилъ. »

Последніе восемь стиховъ, сохраненные Л. С. Пушкинымъ, пропущены во всѣхъ изданіяхъ поэмы.

Но продолжаемъ наши замѣтки.

« Въ двухъ верстахъ отъ его (Пушкина) деревни находится село Тригорское, неоднократно воспѣтое имъ и Языковымъ. Оно принадлежить П. А. Осиповой, которая тамъ жила и живетъ повывѣ съ своимъ семействомъ. Добрая, умная хозяйка и милья ея дочери съ избыткомъ замѣнили Пушкину всѣ лишенія свѣта. Онъ нашелъ тутъ всю заботливость дружбы и всѣ развлечения, всю приятность общества. » (Стр. 57).

Нелишнимъ считаемъ замѣтить, что Прасковья Алекс. Осиповой, въ семействѣ которой Пушкинъ верѣдко проводилъ цѣлыя дни, посвящено одно изъ его стихотвореній, напечатанное подъ заглавіемъ П. А. О***. («Сочиненія А. Пушкина», т. IV, стр. 281). О семействѣ Осиповыхъ Пушкинъ верѣдко упоминаетъ въ своихъ деревенскихъ неизданныхъ письмахъ. Въ одномъ изъ нихъ, принадлежащемъ, судя по содержанію, къ 1828 году, онъ писалъ

Дельвигу: «Здѣсь мнѣ очень весело. Пр. Алекс. я люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все беспокоится.»

«Вскорѣ Тригорское и Михайловское оживились прїездомъ изъ Дерпта двухъ тамошнихъ студентовъ: А. Н. Вульфа, сына Осиповой, и поэта Языкова. Пушкинъ его очень любилъ, какъ поэта, и былъ въ восхищеніи отъ его знакомства. Языковъ прїѣхалъ на поэтическій зовъ Пушкина: «Издравле сладостный союзъ и пр.» Потомъ онъ былъ обрадованъ врїездомъ своего друга барона Дельвига: *Больше никого, или почти никого, Пушкинъ не видалъ во все время своей деревенской жизни.*» (Стр. 57—58).

Отчего же Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (19 октября 1825) говоритъ, что въ это время онъ обнялъ троихъ изъ своихъ лицейскихъ товарищей?

Наконецъ, приведенный ужъ выше отрывокъ изъ письма Пушкина, въ которомъ онъ говоритъ, что П. *привезетъ* отрывокъ изъ *Цыгановъ*, также доказываетъ, что поэтъ былъ посѣщенъ не однимъ Дельвигомъ.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, которыя мы успѣли сдѣлать при чтеніи біографическаго очерка. Желаемъ, чтобъ они пригодились для будущихъ біографовъ Пушкина и для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые находятъ наслажденіе въ изученіи его произведеній (*).

(* Всѣ эти замѣтки для біографіи Пушкина доставлены намъ В. П. Гаевскимъ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКА,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem
foris sonantem, sed intus auscultant
veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ LXXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1853.